

ВОСПОМИНАНИЯ И ИНТЕРВЬЮ

Памятные встречи. Воспоминания о былом

ЛАРИСА В. ЧЕШОВА

Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Москва, Россия,
lara1931@yandex.ru

Очерк посвящён научным встречам-консультациям автора с ленинградскими историками биологии — Б.Е. Райковым и К.М. Завадским, которые происходили в конце 1950-х — первой половине 1970-х гг. Эти творческие контакты оказали глубокое и разноплановое влияние на формирование различных подходов собеседницы в её работе над историей прикладной энтомологии и эволюционной паразитологии.

Ключевые слова: воспоминания, встречи, историки биологии, история прикладной энтомологии, история эволюционной паразитологии.

В ничто прошедшее не канет...
И. Гёте

Бег времени неумолим... Этот извечный процесс особенно остро ощущается мною в последние годы. Память совершает как бы обратный ход, фиксируя в сознании существенные факты, события, которые встречались на моём жизненном пути. Вся моя научная деятельность всегда была и продолжает быть связанной с историей биологии. Поэтому вполне естественно, что «ретроспективный обзор» возвращает моё сознание к наиболее значительным итогам достигнутого и пережитого на этой стезе.

Сознание воскрешает ясно сохранившиеся впечатления о глубоких, содержательных беседах с выдающимися, глубоко почитаемыми историками биологии Борисом Евгеньевичем Райковым и Кириллом Михайловичем Завадским, которые смогли объединить талантливых учеников и последователей в уникальное научное сообщество Ленинградского отделения ИИЕТ АН СССР¹.

¹ Между московскими и ленинградскими историками биологии всегда существовали деловые плодотворные контакты, которые способствовали и способствуют прогрессивному разноплановому развитию историко-биологических исследований.

При моём личном общении с Б.Е. Райковым (конец 1950-х — начало 1960-х гг.) и несколько позже (1960—1970-е гг.) с К.М. Завадским в памяти запечатлелись яркие, талантливые учёные-мэтры, которые обладали не только колоссальными знаниями в самых различных областях истории биологии, но также свободно ориентировались в актуальных направлениях и концепциях современной науки о жизни. В силу этого встречи, беседы, творческие контакты с ними всегда способствовали моему более глубокому и разноплановому пониманию эвристических подходов к изучению сущности ряда историко-биологических проблем. Передо мной раскрывались новые горизонты познания этой многоаспектной области знания.

Не могу обойти молчанием саму форму подобных общений. Помимо консультаций, которые я получала от Б.Е. и К.М. по моим текущим исследованиям, наши беседы касались также многих вопросов культуры, искусства, истории Санкт–Петербурга–Ленинграда. Они оставили неизгладимый след в моей интеллектуальной жизни.

Итак, первая моя встреча с Б.Е. произошла осенью 1956 г. В то время я обучалась в аспирантуре ИИЕТ. Диссертация моя была посвящена развитию прикладной энтомологии в России второй половины XIX в. Для выполнения этого исследования мне было необходимо ознакомиться со многими документами, хранящимися в архивах Ленинграда, побывать в профильных НИИ города. Чрезвычайно актуальным было и получить советы ленинградских историков науки.

В эти 1956–1963 гг. заведующим ЛО ИИЕТ АН СССР был известный энтомолог, эколог, профессор Пётр Павлович Перфильев. Патриархом историков эволюционной биологии в ЛО был уже упоминавшийся Б.Е. Райков, питомец Санкт–Петербургского университета, ученик В.Т. Шевякова, В.М. Шимкевича, А.С. Догеля, друг Ю.И. Полянского.

Обсуждая основы методологии истории естествознания, Б.Е. серьёзное внимание уделял исследованию разработки эволюционной идеи в трудах отечественных учёных додарвиновского периода. После печально известной августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. он достойно преодолел очередной «слом» в своей преподавательской деятельности. Благодаря благожелательному отношению к Б.Е. со стороны руководства ЛО ИИЕТ, а также сохранив свои твёрдые моральные принципы и редкое трудолюбие, он смог создать и опубликовать в течение 1950-х гг. четырёхтомную монографию «Русские биологи-эволюционисты до Дарвина»².

Вполне понятно, что, планируя поездку в Ленинград, я надеялась не только на знакомство с Борисом Евгеньевичем, но и на возможность обсудить с ним ряд проблем, возникших у меня при написании диссертационной работы. Заручившись поддержкой моего руководителя (проф. П.А. Новикова) и руководства института, я отправилась в эту крайне важную и увлекательную для меня командировку.

² Мемуары Б.Е. Райкова были изданы при участии нынешних сотрудников сектора истории эволюционной теории и экологии: *Райков Б.Е.* На жизненном пути. Автобиографические очерки / отв. ред. *Н.П. Копанева*; примеч. *А.Г. Абайдулова, В.С. Волков, Н.П. Копанева, А.В. Самокиш*; вступ. ст. *К.В. Манойленко, Н.П. Копанева, А.В. Самокиш*. СПб.: Колос, 2011: Т. 1. 842 с.; Т. 2. 658 с. Райкову посвящена недавняя диссертация: *Самокиш А.В.* Воспоминания Б.Е. Райкова как источник по истории науки и образования в России и СССР в первой половине XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2012. См. также: *Самокиш А.В.* Воспоминания Б.Е. Райкова как источник для изучения истории науки и образования в России—СССР в первой половине XX в. // Вопросы истории естествознания и техники. 2011. № 2. С. 113–124.

Замечу, что в Ленинград я попала после длительного перерыва, побывав в северной столице ещё в детстве с родителями. Теперь же город потряс меня своей величественной красотой. И вот через Дворцовый мост, по Университетской набережной, мимо здания Зоологического института АН попадаю в дом № 5/2, где располагалось и располагается по сегодняшний день ЛО ИИЕТ. Стою перед двухэтажным зданием, бывшим Музейным флигелем Академии наук, памятником позднего классицизма, созданным архитектором И.Ф. Лукони.

Вспоминаю, как с замиранием сердца поднималась по каменным ступеням на второй этаж. Там, в небольшой рабочей комнате, согласно нашей договорённости, состоялось моё знакомство и последующая беседа с Борисом Евгеньевичем. Его приветливое обращение в сочетании с доброй улыбкой растворили мою скованность, расположив к дружески серьёзному обсуждению назревших проблем.

Проявив живой интерес к тематике исследования, мой собеседник предложил расширить диапазон подходов к более полному раскрытию темы. Так Б.Е. посоветовал проанализировать значение тех экологических факторов, которые способствовали массовому распространению наиболее вредной энтомофауны в стране. Он обратил также моё внимание на ту серьёзную роль, которую играли земства в стимуляции мероприятий, направленных на развитие прикладной энтомологии в пореформенной России. Борис Евгеньевич рекомендовал внимательно изучить те архивные материалы, которые раскрывали деятельность Ф.П. Кеппена, И.А. Порчинского, К.Э. Линдемана — пионеров отечественной энтомологии, как он их называл, не только в научной, но и в общественно-организационной и даже в административной сфере³.

Подобную консультацию Б.Е. провёл со мной и в следующем 1957 г. дав мне несколько ценных советов. Благодаря его рекомендациям я смогла выявить ряд новых фактов, изучить ранее неизвестные аспекты развития прикладной энтомологии.

Хочется отметить также то дружеское, доброжелательное отношение к московским коллегам, которое проявлялось всем коллективом ЛО, включая и руководство.

Приведу такой весьма характерный эпизод из моей научной биографии. За два месяца до защиты мною кандидатской диссертации один из её оппонентов не смог выполнить свои обязанности, так как находился в далёкой экспедиции. Выручил меня в этой ситуации П.П. Перфильев. К нему с просьбой провести оппонирование диссертации обратился мой научный руководитель. П.П., прочитав работу, согласился. В короткий срок он написал официальный отзыв, несмотря на занятость и многочисленные обязанности, и принял активное участие в процедуре защиты. Этот впечатляющий факт говорит сам за себя. Для ленинградского сообщества историков биологии было всегда характерно не только тесное научное сотрудничество с московскими коллегами, но и их действенная поддержка в форс-мажорных обстоятельствах.

Моё знакомство с Кириллом Михайловичем Завадским произошло в Ленинграде в 1967 г. Этот год был сложен по разным причинам и для К.М., и для меня.

Именно в это время после длительных раздумий Кирилл Михайлович, перейдя в ЛО ИИЕТ, сумел в короткий срок со свойственным ему «искусным и фундаменталь-

³ Работы по истории прикладной энтомологии в России теперь продолжены сотрудниками сектора. См. к примеру: *Loskutova M.V., Fedotova A.A. The rise of applied entomology in the Russian empire: governmental, public and academic response to insect pest outbreaks, in the 1840s–1894 // Life Sciences, Agriculture and the Environment / ed. by D. Phillips, Sh. Kingsland. 2014. (В печати).*

ным мышлением» (М. Борн) организовать и возглавить сектор истории и теории эволюционного учения.

Я же с 1960-х гг. изучала процесс становления и развития паразитологии, как комплексной дисциплины, интенсивно развивающейся в XX в. Исследованные источники убеждали меня в том, что главная линия генезиса этой науки была связана с проникновением в неё эволюционизма как методологического принципа. Стремясь детально разобраться в ходе и специфике этого процесса, я нуждалась в консультациях эволюционистов. Ознакомившись с литературными источниками по эволюционной тематике, в том числе с трудами К.М. (Завадский, 1958, 1961 и др.), я напросилась на встречу с ним для обсуждения возникших вопросов. К.М. почувствовал, видимо, в нашем телефонном разговоре всю мою творческую растерянность и пригласил меня в Ленинград.

Наше «первое свидание» состоялось там же, по-моему, в помещении сектора. Удивительно, что прошло много лет, а я отчётливо помню как, после галантного знакомства, Кирилл Михайлович, уловив пронизательным взглядом мою робость, напряженность, неожиданно, как бы невзначай, обратил внимание на мои серёжки. Этот мудрый психологический приём сразу же ободрил меня, открыл реальную возможность провести в дружеском, откровенном русле обсуждение возникших у меня профессиональных исканий и трудностей.

В начале нашего разговора К.М. внимательно выслушал моё пожелание провести ретроспективный анализ путей развития эволюционной идеи в паразитологии. Затем, подумав, он изложил своё видение разработки этой «увлекательной» (помню его выражение) и актуальной темы. В рассуждениях К.М. меня покорила не только его глубокие знания эволюционной теории, но и те сведения, которыми он располагал в основных направлениях развивающейся паразитологии. Поражал его новый подход к известным фактам, их неожиданная интерпретация. К.М. посоветовал мне сконцентрировать основное внимание на анализе того существенного вклада, который внесла паразитология в развитие общей теории эволюции, обогатив представления о закономерностях эволюционного процесса. В этом плане К.М. советовал мне детально изучить работы А.Н. Северцова, В.Н. Беклемишева, Ю.И. Полянского.

Теперь уже можно утверждать, что высказанные К.М. мне в ту первую встречу конструктивные идеи и мысли способствовали осуществлению моих многолетних исследований в изучении и определении основных направлений и даже тенденций развития эволюционной идеи в паразитологии. Полученные результаты были изложены в монографии (1978). Позже мне удалось выполнить по этой же проблеме более фундаментальное исследование, оформленное в виде докторской диссертации, которая была защищена в 1988 г. К великому сожалению, эти работы были созданы и опубликованы после того, как один из главных их вдохновителей ушёл из жизни.

Вторая и последняя моя встреча с Кириллом Михайловичем состоялась в начале 70-х гг. Ещё раз напомним, что это было отнюдь не спокойное время. Оно сопровождалось очередным стремлением руководящих партийных органов реорганизовать устоявшуюся структурную систему академических научных учреждений Ленинграда.

Кирилл Михайлович продолжал, несмотря на все перипетии, целеустремлённо заниматься научным творчеством и руководством талантливой группой своих учеников и последователей.

В эти годы он уже задумал создание коллективного труда, посвящённого развитию эволюционной теории в СССР. Разворачивалась подготовительная работа по выстраиванию структуры этого исследования, подбору авторского коллектива, состава

редколлегии. Для обсуждения всех этих вопросов Леонид Яковлевич Бляхер и я приехали на рабочее совещание к Кириллу Михайловичу. Встречи проходили в квартире К.М. дважды, каждый раз в течение полутора-двух часов.

На заседаниях меня снова восхищал тот творческий энтузиазм, который проявлял К.М. В самой манере решения многих проблем и вопросов улавливалась вся моральная сила и принципиальность его характера. Последний состоял, выражаясь словами И. Гёте, «в энергичном стремлении к достижению целей».

Подобный подход Кирилла Михайловича к обсуждению всех научных и организационных, порой весьма острых, вопросов, сопровождавшихся завидной этикой, благоприятно влиял, как мне казалось, на сдержанную, достаточно строгую манеру общения с коллегами Леонида Яковлевича. С большим вниманием я вслушивалась во время этих встреч в оживлённое обсуждение кандидатур будущих авторов, членов редколлегии планируемого труда.

Решено было также привлечь к активной деятельности по подготовке работы не только авторитетных учёных, но и молодое поколение — учеников Кирилла Михайловича и Леонида Яковлевича.

Тогда же было намечено проведение симпозиума, посвящённого обсуждению состояния исследований по эволюционной теории в нашей стране. Замысел этот был частично осуществлён в 1973 г.⁴

Помню так же, как в процессе наших обсуждений Кирилл Михайлович и Леонид Яковлевич поддержали моё предложение привлечь к созданию главы по проблеме эволюции на биоэкологическом уровне организации жизни талантливого исследователя Ю.И. Чернова. Затем последовали мои неоднократные встречи с Юрием Ивановичем и уговоры взяться за эту главу. Помогло наше давнишнее знакомство, общие друзья, авторитет М.С. Гилярова, к которому я прибегла⁵.

Создание планируемого труда задержалось по хорошо известным обстоятельствам как субъективного, так и объективного характера более чем на десять долгих лет.

С конца 1970-х — начала 1980-х гг. вся основная научно-организационная и редакторская работа была проведена последователем и единомышленником Кирилла Михайловича Э.И. Колчинским. В этой ответственной и хлопотливой деятельности принимала участие когорта учеников К.М.: А.Б. Георгиевский, Я.М. Галл, З.М. Рубцова, Л.Н. Хахина и др. Им помогали московские историки биологии.

Заканчивая это короткое эссе, считаю своим долгом подчеркнуть, что Борис Евгеньевич Райков и Кирилл Михайлович Завадский были учёными-лидерами. Их личности органически сочетали в себе редкий талант исследователя, богатый интеллект, широкую образованность с высокой степенью гражданского достоинства. Безусловно, что качествами бойца-организатора в большей степени обладал Кирилл Михайлович Завадский. Ведь именно он в сложное время общественно-политических коллизий и беспринципного научного примиренчества создал научную школу подлинной истории

⁴ Симпозиум «Состояние эволюционной теории в СССР» проходил 21–23 февраля 1973 г. в Дубовом зале Дома учёных в рамках VII конференции СНОИФЕТ, посвящённой 50-летию со дня образования СССР.

⁵ Позже Юрий Иванович благодарил меня за протекцию и уговоры. Он считал, что выполнение этой работы оказалось для него счастливым событием, способом восприятия истинного интереса к истории эволюционной экологии. Замечу, что в конце 1980-х гг. он был избран чл.-корр. АН СССР, а через несколько лет её действительным членом по специальности «Экология».

и теории эволюционного учения, которая приобрела мировую известность. Это научное сообщество учеников и последователей своего учителя продолжает и в настоящее время с максимальной эффективностью развивать и выполнять творческие и преподавательские функции.

Memorable meetings. Memories of the past.

LARISA V. CHESNOVA

Institute for the History of Science and Technology Institute, Moscow, Russia;
lara1931@yandex.ru

The essay is devoted to the scientific meetings and consultations with eminent historians of biology Boris E. Raikov and Kirill M. Zawadzki, which occurred in the late 50's to mid 70's of the twentieth century. It is shown how these creative contacts had a profound and diversified influence on the formation of different approaches in developing of applied entomology and evolutionary parasitology problems.

Keywords: memoirs, meetings, history of biology, history of applied entomology, history of parasitology.